

К вопросу о репрезентации власти
Юстиниана I Великого:
по материалам письменных источников

Эдуард Е. Мейер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия, meyer_ed@mail.ru*

Аннотация. В статье определены актуальные для времени правления императора Юстиниана I Великого (527–565) методы, с помощью которых поддерживалось ощущение легитимности существовавшего в Восточной Римской империи политического строя, именуемого в источниках *полите́и* или *res publica*. В центре этой репрезентационной политики находилась личность императора, она становилась символом, олицетворением и гарантом существования *полите́и* или *res publica* для ромейского народа. Наличие такого согласия между населением и управителями раннесредневековой империи и приводило к легитимизации власти, а черты и действия, присущие Юстиниану I, хорошо описаны в различных письменных и не только письменных источниках. В процессе исследования были изучены письменные источники начиная с откровенно панегиристических работ, прославлявших гений императора – «De aedificiis» Прокопия Кесарийского или речах Хорикия – до памфлетов в виде «Тайной истории» того же Прокопия. Путем сравнительного анализа и дискурс-анализа письменных источников разных жанров выявлены основные механизмы, реализующие главную цель репрезентации власти – обеспечение эффекта присутствия политического «центра» в лице императора на местах, вовлеченности его во внутренние дела провинций, пограничных территорий и соседних социально-политических образований.

Ключевые слова: Византия, император, репрезентация, власть, Ромейская империя, Юстиниан

Для цитирования: Мейер Э.Е. К вопросу о репрезентации власти Юстиниана I Великого: по материалам письменных источников // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 22–29. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-22-29

On the question of the representation
of the authority of Justinian I the Great:
(according to written sources)

Eduard E. Meyer

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, meyer_ed@mail.ru*

Abstract. The article examines how the sense of legitimacy of the political system — referred to in the sources as *πολιτεία* or *res publica* — was maintained in the Eastern Roman Empire during the reign of Justinian I the Great (527–565). The features and actions associated with Justinian I are well described in various written and non-written sources. According to those sources, persona of the Emperor was at the center of this representational policy. It became the symbol, personification and the guarantor of the existence of the *πολιτεία* or *res publica* for the Eastern Romans. The existence of such an agreement between the general public and the rulers of the early medieval Empire led to the legitimization of power. During the research process various sources were studied, beginning with the openly panegyric works that glorified the genius of the Emperor, such as the “De aedificiis” of Procopius of Caesarea or the speeches of Choricus, to pamphlets in the form of the “Secret history” of the same Procopius. Using comparative analysis and discourse analysis of written sources, the author identified the principal mechanisms that implemented the main goal of power representation, which ensured the effect of the presence of the political “center” embodied in the Emperor’s figure, his involvement in the internal affairs of the provinces, border territories and neighboring socio-political entities.

Keywords: Byzantium, emperor, representation, authority, East Roman empire, Justinian I

For citation: Meyer, E.E. (2020), “On the question of the representation of the authority of Justinian I the Great (according to written sources)”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 22–29. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-22-29

Введение

Формирование новых методов обработки и рассмотрения исторических источников, новых объяснительных моделей развития социального пространства расширяет объект исторического исследования и меняет понимание феномена власти. Изучение ранних практик конструирования образа правителя важно, потому что это

позволит лучше понять механизмы жизнедеятельности ранних государств.

Отражение исследуемой проблемы мы можем найти в ставших уже классикой исследованиях А. Грабара [Грабар 2000], Г.Л. Курбатова [Курбатов 1984] и других работах современных авторов. Поскольку вопрос о политическом строе империи на юридических материалах в достаточной мере обработан в трудах Вальденберга [Вальденберг 2008] и Калделлиса [Калделлис 2016], в этом исследовании большее внимание было уделено историческим трудам.

Власть между дискурсами

Имперская администрация, понимая всю шаткость своего положения и стремясь сохранить свой политический, символический и культурный капиталы, насаждала культ императорской власти.

Можно наблюдать определенную раздвоенность императорского образа. Он позиционировался как центр власти и являлся частью республиканско-корпоративной системы. О богоизбранности империи писал Анастасию Синезий, епископ Кирены¹ и Агапит Дьякон Юстиниану². В юридических актах императорская власть предстает и как дар свыше, наделенный тем или иным свойством «запредельного», и как акт передачи народом управления одному человеку.

Императоры становились арбитрами в религиозных делах. Юстиниан участвовал в организации V Вселенского собора в Константинополе [Грацианский 2016, с. 148–161] и признал постановления соборов в качестве законов³. Император назначал епископов по просьбе местных правителей, становился восприемником во время крещения, стремясь превратить его в акт символического договора. Правители эрулов, боспорский гуннов и готов, гепидов – Греспес, Боа, Грод, сын вождя гепидов Моунд, правитель готов – лично прибывали в Константинополь с войском и ближними родственниками.

Мистический дискурс содержится и в текстах нерелигиозных авторов. Хорикий, раскрывая мистику императорского превосходства, писал, что величие зашифровано в именах императора и его жены Феодоры⁴. Приводились мифы о видениях, якобы по-

¹ Sin. De regno 4, 8.

² Agap. Cp. Diac. Ex. I. (A).

³ Evagr. Schol. Hist. ecc. VI. 38–41.

⁴ Chor. Or. XIII. 12–13.

сещавших будущих императоров, описание которых присутствует, например, у Фредегара⁵. В «Тайной истории» негативные черты имеют гиперболизированный характер, Прокопий именует императорскую чету демонами⁶. Вокруг императора ходили слухи о превращении его в кусок мяса, об отсутствии у него головы, о гулявших по дворцу привидениях, демоне на троне⁷. Евагрий Схоластик оставил только тягу к раздору и падкость до чужого имущества⁸.

Методы и способы обеспечения контроля

Главная цель коммуникации центра и периферии – обеспечить эффект присутствия центра на местах, чтобы избежать формирования вакуума власти и выстраивания альтернативных институтов управления.

Проблемой всегда были войска. Они действовали от имперского правительства, но могли стать основой для военного мятежа, если «хватка» центра начинала ослабевать, создавая альтернативный политический центр в провинции. Военачальники прибегали к угрозам подчиненным гневом императора за неисполнение приказов⁹. Император старался находить компромиссы с военными¹⁰. Юстиниан отправлял лояльных командиров, как Юстина в Колхиду¹¹.

Переименовывали города. Были созданы несколько Юстинианополей, епископы которых присутствовали на Втором константинопольском соборе¹², Юстиниан, Феодорополей по всей империи от ее восточных до фракийских рубежей. Крепости Анасарды и Соусис были переименованы в Феодориаду и Юстинианополис соответственно, причем первому дали права полиса¹³. Карфаген был назван именем императора после освобождения от вандалов¹⁴.

⁵ Fredegarius Chron. II. 62.

⁶ Proc. Caes. Hist. arc. XII. 14, 15, 26, 32; XVIII. 1, 36, 37.

⁷ Ibid. XII. 20, 21–23, 26.

⁸ Evagr. Schol. Hist. ecc. IV. 30, 39; V. 1.

⁹ Agath. Hist. I. 17; Proc. Caes. Hist. arc. XXX. 27.

¹⁰ Proc. Caes. Bella (Goth.) VIII (IV). 13:14.

¹¹ Agath. Hist. IV. 21.

¹² Деяния Вселенских соборов. Т. 4: Собор Константинопольский 2-й, Вселенский пятый / Ценз. проф. академии М. Богословский. Казань: Центральная типография, 1908. С. 98.

¹³ Ioannes Malala Chron. XVIII. 31.

¹⁴ Proc. Caes. De aedificiis: VI. V:8.

На конструирование эффекта присутствия были направлены изображения и статуи, которые получали статус правителей во плоти, например, на Августеоне¹⁵. Покоренные же правители ставились в тень, иногда буквально, путем закрашивания фресок, как в Базилике Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне [Щукин 2005, с. 159]. В условиях, которые император выдвинул итальянским готам, содержался запрет на установку статуй местных королей без сопровождения их императорскими статуями¹⁶. Одежду и различные аксессуары тоже показывали народу. Ярким примером было вывешивание императорского платья в церкви Кассиона в Антиохии после землетрясения¹⁷.

Демонстрировались народу и побежденные враги. Веласарий увез пленным из Равенны Вигитиса, короля готов, которого показали в Константинополе¹⁸. Боа, победившая во внутренних распрях, отправила в Константинополь Тираикса, которого вывели толпе, а затем убили¹⁹. Аналогично на ипподроме были проведены болгарские князья²⁰.

Проводились показательные суды со множеством церемоний и излишней торжественностью²¹. Иоанн Малала указывает, что Юстиниан ответил на нападки родственников династии Анастасия в суде²².

Нормой было участие высших лиц в общественных действиях – ристалищах и празднествах²³. В 530 г. Юстиниан шел крестным ходом вместе с народом, уступив свою колесницу патриарху²⁴. Во время восстания Ника император появился с евангелием на ипподроме²⁵. В Рождество 550 г. император участвовал в процессии без венца и так прошел до церкви в честь траура по Антиохии²⁶. После землетрясения 550 года он в течение нескольких дней не надевал императорский венец, демонстрируя тем самым солидарность с населением

¹⁵ Ioannes Malala Chron. XVIII. 94; Theophanes Chron. 6036 536.

¹⁶ Proc. Caes. Bella (Goth.) V (I). 6:3–4.

¹⁷ Ioannes Malala Chron. XVIII. 45.

¹⁸ Marii Ep. Aventicensis Chr. 540.

¹⁹ Ioannes Malala Chron. XVIII. 13.

²⁰ Theophanes Chron. 6032 532.

²¹ О суде, состоявшемся над Губазом и его сторонниками-колхами: Agath. Hist. IV. 1.

²² Ioannes Malala Chron. XVIII. 22.

²³ Ibid. XVIII. 71.

²⁴ Theophanes Chron. 6030 530.

²⁵ Ioannes Malala Chron. XVIII. 71.

²⁶ Theophanes Chron. 6051 550.

пострадавшего города²⁷. Императорское окружение путешествовало по империи: Феодора посещала провинциальные храмы²⁸.

Долгое отсутствие на публике могло иметь негативные последствия. То, что Юстиниан не появлялся на публике после начала мора, чуть не привело к политическому кризису в стране, когда слухи о его болезни и даже смерти стали выходить за пределы столицы, а командиры начали готовить восстание с целью захвата власти²⁹.

Строительство – еще одна практика центральной власти. Ему полностью посвящен труд Прокопия *De aedificiis*. Иоанн Малала описывает строительство храмов и цистерн в Антиохии³⁰. Ф. Курта называет около шестисот укрепленных пунктов³¹.

Подарки формировали определенную систему взаимоотношений, построенных на подчиненности местных правителей, старшинстве императора, показывающего особое отношение к местным народам за выполнение необходимых действий. Юстиниан назначал правителей эрулов и арабов³². Возникший спор между Сандилом и Заберганом, а также распри между лангобардами и гепидами решает император³³. Дарами склоняли славян к войне с «гуннами», утигуров напасть на кутригуров³⁴. Подарками сопровождалось и письма императоров, например, франкам и эрулам накануне Итальянской кампании³⁵.

Власть византийского императора не подвергалась сомнению, особенно когда империя оказывалась способна на карательные операции. Во время восстания гуннов на Босфоре, императором был направлен комит Иоанн с войском готов, возможно, из босфорских федератов³⁶. Боа, посредством установления взаимоотношений

²⁷ Theophanes Chron., Л. М. 6050, Р. X. 550; Ioannes Malala Chron. XVIII. 124.

²⁸ Ioannes Malala Chron. XVIII. 25.

²⁹ Proc. Caes. Hist. arc. IV. 1.

³⁰ Ioannes Malala Chron. XVII. 19.

³¹ Procopius Caesariensis *Bella* (Pers.). Перевод по изданию: Прокопий из Кесарии. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекалова. М.: Наука, 1991. С. 157.

³² Proc. Caes. *Bella* (Goth.) VIII (IV). 25:11; Proc. Caes. *Bella* (Pers.) XVII. 47; XIX. 10.

³³ Agath. Hist. V. 24; Ioannes Malala Chron. XVIII. 13, 14, 16; Proc. Caes. *Bella* (Goth.) VII (III). 14:29, 33; 15:30–36.

³⁴ Proc. Caes. *Bella* (Goth.) VII (III). 14:33–34; VII (III). 17:21, 19:16–18, 22.

³⁵ Ibid. V (I). 5. 10.

³⁶ Ioannes Malala Chron. XVIII. 14.

с императорским двором, использовала свое положение для решения внутренних споров³⁷. Существовал институт заложенничества: союзники прибывали к императору с родственниками, которые принимались как залог мирного сосуществования, например Ильдигис³⁸.

Заключение

Грандиозные постройки, пышная ритуалистика, созданные вокруг правителей ореолы таинственности, демонстрация «силы» путем передвижения войск и карательных рейдов в земли противника, а также более высокий уровень жизни населения империи становились отличными трансляторами в соседние народы и своему населению, создавая эффект покорности и единства территории империи.

Эта тщательно выстраиваемая имперской администрацией картина получала отклик и провоцировала население перемещаться на территорию провинций, особенно, когда эти границы оставались открыты. Имперские звания, статус и служба привлекали иноземцев своими гарантиями повышения статуса как внутри имперской элиты, в рамках которой представители оставались при успешном развитии событий, так и в инородной среде, где умение воевать в условиях конфликтотенной среды барбарикума имело большое значение.

Литература

- Вальденберг 2008 – *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 222 с.
- Грабар 2000 – *Грабар А.Н.* Император в византийском искусстве / Пер. с фр. Ю.Л. Грейдинга; вступ. ст. Э.С. Смирнова. М.: Ладомир, 2000. 238 с.
- Грацианский 2016 – *Грацианский М.В.* Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М.: Изд-во Московского ун-та, 2016. 391 с.
- Калделлис 2016 – *Калделлис Э.* Византийская республика: Народ и власть в Новом Риме / Пер. и отв. ред. В.И. Земскова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 448 с.
- Курбатов 1984 – *Курбатов Г.Л.* Политическая теория в ранней Византии; Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция: Культура Византии: IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 98–119.
- Щукин 2005 – *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

³⁷ Ioannes Malala Chron. XVIII. 13.

³⁸ Proc. Caes. Bella (Goth.) VIII (IV). 23:1–26.

References

- Grabar, A.H. (2000), *“Imperator v vizantiiskom iskusstve”* [The emperor in Byzantine art], Ladomir Press, Moscow, Russia.
- Kurbatov, G.L. (1984), *“Politicheskaya teoriya v rannei Vizantii. Ideologiya imperatorskoi vlasti i aristokraticeskaya oppozitsiya. Kul'tura Vizantii IV– pervaya polovina VII v.”* [Political theory in early Byzantium. The ideology of the imperial power and the aristocratic opposition. Culture of Byzantium 4th – first half of 7th centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Waldenberg, V.E. (2008), *“Gosudarstvennoe ustroistvo Vizantii do kontsa VII veka”* [The state structure of Byzantium until the end of the 7th century], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
- Kaldellis, A. (2016), *“Vizantiiskaya respublika. Narod i vlast' v Novom Rime”* “Byzantine Republic. The people and power in New Rome”, Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia.
- Gratsiansky, M.V. (2016), *“Imperator Yustinian Velikii i nasledie Khalkidonskogo sobora”* [Emperor Justinian the Great and the heritage of the Council of Chalcedon], Moscow University Press, Moscow, Russia.
- Schukin, M.B. (2005), *“Gotskii put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura)”* [Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)], Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Эдуард Е. Мейер, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; meyer_ed@mail.ru

Information about the author

Eduard E. Meyer, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; meyer_ed@mail.ru